

ГРАММАТИКА И РЕАЛЬНОСТЬ

«Теории» грамматика и реальность одинаково ложны, одинаково неприемлемы. Они в одинаковой степени искажают существо грамматики, то лишая ее содержательных функций, то отождествляя ее с идеологией и тем самым также лишая ее собственного назначения, собственной специфики.

Но если отделить грамматику от идеологии, это вовсе не означает вернуться к формалистическому изучению первой. Хотя в последнее время эти 2 понятия (грамматика и идеология) стали грубо и вместе с тем как-то наивно смешиваться, в результате предварительного смешения, также недоступного, идеологии и семантики. Идеология изучает всю систему политических, правовых, нравственных, философских, эстетических и прочих взглядов и идей, тогда как грамматическая семантика имеет дело лишь с взаимоотношением грамматических значений и форм их выражения (проявления) в языке. Те или иные аспекты идеологии могут влиять на те или иные особенности грамматики. Хотя в целом все эти понятия (грамматика и идеология) разнообразны по своей природе и по своим функциям, т.е. разнородны принципиально, качественно.

Содержательные категории в грамматике не только существенны, но и определяют ее душу. Они образуют проблему грамматических явлений – центральную для самого предмета грамматики. Мышление находит особое, специфическое преломление в грамматике и передается не только с помощью грамматики, но и с помощью других ресурсов языка. Поэтому говорят о взаимодействии языка и мышления, в котором взаимодействие грамматики и мышления составляет лишь часть более общей и более сложной проблемы. Вместе с тем грамматическое значение, хотя постепенно и глубоко контактирует с лексическим значением, одновременно и отличается от него по своему качеству, особенно в языках развитых.

Понятие «семантики языка» гораздо шире понятия «лексики языка». Типы значений в языке могут быть самыми различными: язык – это не «голая» коммуникация, а коммуникация, передающая мысли и чувства людей во всем их многообразии и разнообразии, во всех их оттенках, а нередко и во всей их сложности.

Если грамматика развитых языков всегда имеет дело с взаимодействием грамматического значения и формы и его выражения в языке, тогда становится ясным и другое: поиски «смысла предложения» вообще, независимо от формальных способов его бытования в том или ином языке, неизбежно обречены на неудачу.

Нельзя недооценивать всю важность и серьезность проблемы соотношения между универсальными и национальными тенденциями в грамматике современных языков, не только родственных, но и неродственных.

Что же касается вопроса «грамматики и реальности», то такие категории в грамматике, как *число*, *род*, *время* могут, имеет отношение к реальности, а такие категории, как *надеж* или такие части речи, как *предлоги*, не могут или едва ли могут иметь отношение к реальности. Понятие *числа*, например, люди оперируют не только во многих системах грамматики, но прежде всего в самой жизни, тогда как понятием *надежа* или *предлога* – только в грамматиках тех языков, которые ими располагают.

Еще сложнее проблема дробления оказывается в грамматике: как, казалось бы, одно грамматическое понятие дробится на более частные или более специализированные категории и «подкатегории».

В русском языке довольно ясно противостоят в системе глагольного вида совершенный вид и несовершенный. Если в *курить* действие еще не совершено, оно продолжается, то в *выкурить* оно уже совершено и не продолжается. Но это – идеально четкое противопоставление – постоянно осложняется более подробными подразделениями. *Плакать*, например, – действие продолжается (несовершенный вид), *заплакать* (совершенный вид), а *поплакать* – некоторое время плакать, после чего перестать плакать. Материал сразу же осложняет жесткое противопоставление совершенного и несовершенного вида, обнаруживая возможности все новых и новых оттенков значений. Оказывается, что заранее определить возможности подобных дроблений весьма трудно.

Все тонкие наблюдения имеют прямое отношение и к проблеме «грамматика и реальность». Различие между *ехать полев* (творит. места) и *работать топором* (творит. орудия) оказывается в смысловом отношении более глубоким, чем различие между примерами типа *воняющими сапогами* и *воняющим дегтем*, хотя и здесь имена существительные оформлены тем же творительным падежом. Что в грамматике однородно или не совсем однородно, то и в реальности воспринимается с оттенком, с градациями, с нюансами: в *работать топором* действие выражено активнее и иначе, чем в *ехать полев*. При этом различие определяется в подобных случаях не только лексической семантикой глагола, но и грамматической семантикой самого творительного падежа (творит. орудия в отличие от творит. места).

Во всех современных романских языках имеется определенный и неопределенный артикль. В старых текстах всех романских языков такие слова, как *бог, солнце, луна, фортуна, природа, любовь* употреблялись без определенного артикля. Сознание людей того времени воспринимало такие понятия в их неповторимой единичности. Реальность и здесь давала о себе знать. Даже тогда, когда определенный артикль уже превратился в обязательного спутника имени, перечисленные существительные и им подобные продолжали употребляться без артикля.

Взаимодействие грамматики и лексики толкуют как взаимодействие общего и отдельного. Между тем подробное «отдельное» само выступает как «обобщенное отдельное», объединяющее определенные по своей семантике группы или категории слов.

Степень дробления грамматического значения того или иного предлога, как и любой другой служебной части речи, в разных, даже близкородственных языках, различна. И все же каждое такое, в том числе и самое дробное значение, **о б о б щ а е т о п р е д е л е н н ы е т и п и ч н ы е с л у ч а и**. Этим грамматическое значение отличается от значения лексического.

Бесконечное многообразие контекстов – это одна из разновидностей реальности, которая определяется нуждами и потребностями людей.

Грамматическая конструкция, которая с чисто умозрительной позиции должна была быть самой жесткой сравнительно с аналогичной конструкцией в других близкородственных языках, в действительности оказывается самой нежесткой и самой подвижной.

Связь относительного предложения с реальностью предстает перед нами прежде всего как **п р о б л е м а п о н и м а н и я**.

В русском языке относительное местоимение строится с помощью разнообразных служебных слов – прежде всего с помощью местоимений, *что* и его производных, одновременно выступающих и в функции союзов (омонимы). Смысловая «нагрузка» этих «маленьких» слов очень велика. Неточное или ошибочное осмысление подобных функций сейчас же отражается на коммуникативных возможностях языка, приводит к непониманию или неправильному пониманию собеседника. Проблема же **п о н и м а н и я** или **н е п о н и м а н и я** между людьми имеет прямое отношение к реальности.

В разговорной речи действительно допустимо прибегать к всевозможным *что, чтобы* и другим служеб-

ным словам сколько угодно, и не всякий заметит их. Но в сочетании, «на письме» такое скопление недопустимо: оно свидетельствует о недостаточном знании языка, об отсутствии «чувства языка». Например, он сказал, *что* он придет, *что* у него все благополучно и *чтобы* вы не беспокоились. Это – грамматическое и стилистическое – неудобство скопления служебных слов в одном предложении или в ряде идущих друг за другом предложений известно всем современным языкам, располагающим письменностью.

А теперь о проблеме «грамматика и реальность» с исторической точки зрения. Относительное предложение в современных европейских языках обычно предполагает развитую систему грамматических отношений.

Трудность проблемы относительного предложения (она же – проблема относительного подчинения) в том, что подчинительные союзы в европейских языках развивались то по восходящей линии, то по нисходящей.

Историческая грамматика многих языков хорошо знает подобную неравномерность – от «чрезмерного» расширения каких-то категорий к их последующему «упорядочению», к последующей более строгой и тонкой дифференциации. В этом тоже обнаруживается совершенствование языка.

Вопреки модной, но сложной доктрине, согласно которой грамматика грубо и вместе с тем наивно отождествляется с идеологией, в действительности грамматика находится на службе мышления, и лишь через посредство мышления может соприкасаться или не соприкасаться с идеологией.

Литература

1. Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? - М., 1997.
2. Будагов Р. А. Язык – реальность – язык. Изд-во «Наука», - М., 1983.
3. Meyer – Lubke W. Grammatik der romanischen Sprachen. Wien, Bd. 3
4. Москальская О. И. Грамматика немецкого языка (теоретический курс). Морфология. Изд-во литературы на иностранных языках. - М., 1986.
5. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. - Харьков, 1988.
6. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. - М., 1987.
7. В частности: Творительный падеж в славянских языках. - М., 1978.